Прошла неделя после возвращения на материк.

Я наконец-то начал учиться в колледже, но, осознав, что банально не могу адаптироваться там, потому что поступил после начала учебного года, я не мог настроиться на учёбу. В итоге сейчас я пропускаю утренние занятия и гуляю по западной центральной улице. Это можно назвать днём психического здоровья или «прогулом», если хочется придаться к этому.

— Чем, чёрт возьми, я вообще занимался до возвращения в Японию?

Моё самодовольное бормотание было более или менее проникновенным, но, скорее всего, бессмысленным. Был ли я в ER3, в Киото или на острове Пера промокшей вороны, это мало изменило меня, точно так же, как пятилетний перерыв едва ли изменил Кунагису.

— Ещё большая бессмыслица, вот что это... — пробормотал я, продолжая гулять. Я свернул на юг, думая о том, чтобы вернуться в свою квартиру в Накадатиури и немного почитать, но по дороге вспомнил, что сегодня в продажу поступил любимый журнал Кунагисы, поэтому я заскочил в местный книжный, чтобы купить его экземпляр.

— Томо Кунагиса...

С тех пор Кунагиса отсиживалась дома. Она была глубоко погружена во всевозможные ремонтные работы по восстановлению рабочей станции, компьютеров и прочего, что было сломано Аканэ. Она была в восторге, сказав, что в этот раз воспользуется сталью для их восстановления, чтобы они были невероятно крепкими, но здравый смысл, видимо, указывал на то, что это невозможно. Конечно, то, из-за чего она загорелась, было её личным делом, поэтому я ничего не сказал по этому поводу.

Что касается Аканэ Соноямы и Синьи Сакаки, то Кунагиса узнала, что с ними стало, в Интернете. Скорее всего, не без помощи навыков своего старого друга Чи

Аканэ вышла из «Семи глупцов» и начала вести слегка затворнический образ жизни, оставаясь при этом известной как учёная. Синья предположительно остался с ней. Учитывая тот факт, что никто не сообщил о них в полицию, это казалось достаточно правдоподобным.

Я зашел в книжный магазин и купил то, что хотел, с помощью подарочного сертификата, затем постоял и пролистал его немного, прежде чем выйти. Перед входом был припаркован чрезвычайно безвкусный – то есть дорогой на вид – автомобиль с откидным верхом. Он выглядел бы неуместно, даже если бы он был не в Киото; это было как-то эксцентрично, или акробатично, или типа того.

Автомобиль высокого класса, который можно увидеть в журналах. Ну знаете, с названиями вроде Anaconda, Viper или «Японская крысиная змея». Наверняка и другие названия существует, но я был уверен, что оно относится к змеям. Но чем эти люди занимались, разъезжая в такой машине по японским дорогам? Начнём с простого: какой человек путешествует в таком нелепом автомобиле? Я оглянулся и увидел, как водитель выходит из неё. Это была женщина, одетая в наряд, такой же броский, как и её автомобиль.

На ней была открытая рубашка под винно-красным костюмом, который обязательно привлёк бы внимание любого прохожего, хочет он того или нет. Вдобавок ко всему, на плечи у неё было накинуто весеннее пальто без рукавов.

Её волосы до плеч были неестественно блестящими, что наводило на мысль о том, что она не брезговала дорогими средствами для волос. Тёмно-красные солнцезащитные очки полностью

скрывали её глаза. Пропорций её тела было достаточно для того, чтобы задуматься о том, не была ли она кем-то вроде модели, к тому же она была высокой. Она была красивой женщиной в самом прямом смысле этого слова, но в то же время она была одной из тех красивых женщин, к которой ты не решишься подойти, — своеобразная и, само собой, не для всех; неиселяющая, не успокаивающая.

— Ух ты, — смог я выдать из себя подобие удивления.

Верно говорят, что у красивых маших красивые владельцы, подумал я, смотря на то, как она идёт ко мне. Я отошёл в сторону, думая, что она хочет войти в книжный, но я ошибся.

Она остановилась прямо передо мной. Затем она уставилась на меня через солнцезащитные очки. Находясь во власти её подавляющего и яркого внешнего вида, я понял, что я не могу пошевелиться. Как олень в свете фар. Поэтому встречи с ней мне было не избежать.

Без всякого предупреждения она подняла свою длинную ногу вверх, вонзив украшенную туфель с каблуком ступню мне в живот. Я рухнул лицом на тротуар.

— Чёрт...

Мне казалось, что я сейчас начну рвать, пока в моём желудке ничего не останется. Но сейчас было не время кричать. Без жалости и задержек она начала топтать моё распластавшееся тело. Била она каблуком туфли, из-за чего мне было очень больно.

Как и бывает, когда ты в беде, поблизости не было никого. Неподалёку была автобусная остановка, но автобус, должно быть, только что уехал, потому что там не было ни единой души. Черт, видимо, сегодня мой счастливый день. Тем не менее, я не собирался выставить себя на посмешище, взывая о помощи. Я перевернулся, пытаюсь хоть как-то спастись, но это закончилось неудачей, как только она схватила меня за воротник.

После она подняла меня.

— Хм... Ты действительно не закрываешь глаза, — сказала она, будто её это впечатлило. — Ух, ты, впечатляет. Ха-ха. Это как бы круто. Ладно, в любом случае... Привет.

— ...Привет.

— Ну же, ты не на похоронах.

Когда она сжала свою руку вокруг моей шеи, я думал о том, о чём она вообще говорит. Она потащила меня к своему кабриолету и бросила на пассажирское сиденье, как чемодан. Затем она сама села на место водителя. Она сняла солнцезащитные очки и вдавила ногу в педаль газа. Видимо, машина всё это время простаивала. Она была врагом окружающей среды.

— ...

Потирая живот и спину, я обдумывал своё положение.

Что это вообще было? Что произошло? Это было похищение? Почему похитили меня? События развивались слишком быстро, и я не поспевал за ними. Несмотря на то, что я был девятнадцатилетним парнем, плывущим по течению, я едва ли попадал в подобный стремительный поток. Кто же эта женщина?

— Эм, кто вы?

— Хм? Моё имя? Ты просто так спрашиваешь, как меня зовут, дружок?

Она посмотрела на меня. Её взгляд без очков был ещё более свирепым. Это был ужасающий взгляд, будто «пронзающий моё сердце насквозь». Какой жизнью нужно прожить, чтобы заполучить такой взгляд?

— Меня зовут Дзюн Айкава.

— ...

Айкава?

Айкава, Айкава... Это имя было мне знакомо.

— Айкава?

— Можно просто Дзюн.

Её речь была резкой и грубой. Это казалось недостатком, учитывая её красоту, но она подходила её личности на удивление хорошо.

— Эм, Дзюн. Мы уже где-то встречались? Моя память слаба, когда речь заходит о людях, но я не думаю, что мы встречались ранее.

— Впервые.

— Так я и думал. — Даже если бы мы встретились только один раз, я бы ни за что не забыл кого-то вроде неё.

— И что теперь? То есть Ирия ничего тебе не рассказывала?

— Ирия?

Это имя тоже было мне знакомо.

— Эм, Ирия, Ирия...

Ах.

Наконец, синапсы в моём мозгу заработали. Точно. Я вспомнил.

— Так вы «великий детектив»... по имени «Айкава»?

— Я контрагент, если говорить точно, — цинично сказала она. — Похоже, ты вспомнил.

— Я думал, что ты не женщина.

— Спасибо. Это лучший комплимент.

Она хлопнула меня по плечу. Было слегка удивительно узнать, что Айкава, которая, как я думал, была мужчиной, на деле была женщиной, причём красивой. Но если подумать, то Ирия в основном приводила на остров относительно молодых женщин, за исключением кого-то вроде

меня и Синьи.

Но Ирия продолжала использовать размытые слова вроде «герой»...

— Я собиралась доехать до твоего коллежда, — сказала Айкава, слабо улыбаясь. — Но потом я заметила, как ты стоишь в том книжном и читаешь. Это было тем ещё совпадением, поэтому я решила тебе свистнуть.

— То есть вы искали меня?

— Да. Я решила своими глазами увидеть придурка, который втихаря ворует у меня работу. Благодаря тебе, болвану, я так и не поработала. И как ты компенсируешь мне это?

Она бросила на меня взгляд. Она словно схватила меня прямо за сердце. В моём сознании все события, произошедшие на том острове, давно как закончились, так что подобное развитие событий я никак не мог ожидать.

— Из-за тебя я упустила работу. А она была несложной.

— Эм, я... — не особо понимая ситуацию, я решил не выкручиваться и просто извиниться. — Мне очень жаль. Прощу, простите меня.

— Ха-ха! — засмеялась Айкава. — Тебе незачем извиняться. Знаешь, это мне стоит тебя поблагодарить за перекладывание нагрузки с меня.

Что это было? Моё беспокойство пропорционально росло по мере того, как я брал себя в руки. В какую, чёрт возьми, ситуацию я вляпался? Это было за гранью моего понимания. Я и малейшего понятия не имел о том, что эта Дзюн Айкава пыталась сделать.

— Эм, и куда мы теперь едем?

— В рай. Или в ад. Я забыла.

— Они ведь совершенно разные.

— Да, полностью разные. Полные противоположности. Так что нам суждено оказаться либо в одном месте, либо в другом.

К чему она вела?

Она продолжила водить, не обращая внимания ни на что. Возможно, мы действительно ехали в сторону ада. Такое вполне возможно. Возможно, моя жизнь скоро оборвётся относительно неожиданным образом. Потому что конец всегда наступает внезапно.

— Что ж, твоё лицо я увидела, так что один пункт из списка дел уже можно вычеркнуть. Итого остаётся ещё один пункт.

Без толики сдержанности Айкава наклонила своё соблазнительное лицо впритык к моему. Я рефлексивно вздрогнул от её фамильярности. Я не привык к близким контактам с людьми, помимо Кунагисы.

— Эм, ещё один... Какой?

— Ох, я только что задумалась о том, чтобы избавиться от одной из своих проблем, — сказала

Айкава. — Я контрагент, и работа моя заключается в решении надоедливых маленьких проблем других людей. Я протягиваю руку помощи тем, кто не может самостоятельно разобраться со своими проблемами.

— И что вы имеете в виду под словом «контрагент»? — В таком случае «работа» великого детектива должна быть лишь частью её работы, одним из её контрактов. — Но какая у меня проблема?

— Довольно редко я занимаюсь благотворительностью. Называй меня своенравной. Это будет твоей наградой за изящное раскрытие того дела вместо меня.

— Награда?

— Не волнуйся ты так. Может, по мне и не скажешь, но я полна добротой.

Добрые люди обычно не выбивают всю дурь из других своими туфлями на первой встрече.

— А теперь, проблемный мой, ты возьмёшь меня за руку? — сказала она, протягивая мне ладонь. — Какое решение ты примешь?

— ...

Она была странной. Безумно странной. Её странность стояла особняком от остального. Даже в рамках той группы эксцентричных безумцев с нашего любимого уединённого острова, если принять её за нечто среднее, странность Айкава выбилась из неё. Несомненно, я без сомнений взял её ладонь, что делал я довольно редко.

Этот невероятный человек. Как я мог упустить её?

— Хорошо, приятель. — Она озорно улыбнулась.

Возможно, я поспешил.

— Эм, а что это за «моя проблема», которую ты упомянула?

— Именно это ты должен знать лучше меня. Намного лучше. Не понял? Я пришла увидеться с тобой. Я. Так что очевидно, что это касается событий на острове Пера промокшей вороны.

— То дело? — сказал я.

— Да, — слабо кивнула Айкава. — После него я всё равно отправилась на остров. Изначально я хотела поехать на отпуск, так что мне повезло с тем, что дело уже было раскрыто. И я не шучу. Да неважно, я поговорила с Ирией, Хикари, Акари и Рей. Что странно, Теруко не проронила ни слова. Она тихоня? Даже я слышала её голос лишь однажды. Ах, да, там ещё были так себе повар и жуткая прорицательница. Ох, я не хочу говорить о ней. Да что с этой дамочкой такое?!

Внезапно взбесившись, Айкава так сильно ударила по рулю, что мне показалось, что он может сломаться. Было очевидно, что с Маки на острове что-то произошло. И что эта женщина только что сделала? С уверенностью можно сказать, что эти две женщины несовместимы...

Айкава проворчала прежде чем продолжить:

— В любом случае, они рассказали мне о деле. Во всех подробностях.

— И вас это не устроило? — спросил я. — Точнее, что вы об этом думаете, Айкава?

— Я Дзюн, — сказала она очень низким и мрачным голосом. — Не зови меня по фамилии. Только мои враги так делают.

— Вы всё ещё считаете, что что-то не так, Дзюн? — спросил я снова.

— Так лучше, — улыбнулась она. Её настроение менялось крайне резко. Я мог бы сказать, что менялось оно как погода, но даже в горах она не менялась так часто. — Нет, нет... Это не меня что-то и устраивает, приятель. Это ведь ты? Ты раскрыл это дело. И ты постарался на славу. Так чертовски хорошо, что никто не смог даже сформулировать возражение. Но ты всё ещё сомневаешься, да? Тебя не устраивает твоя же работа?

У меня не было слов. Не обращая внимания на это, она продолжила:

— Я права? Ты распутал это дело за три дня. Естественно, у кого-то с твоими мозгами всёещё будут сомнения. Останови меня, если я ошибаюсь.

Я ничего не мог сказать и, очевидно, не потому, что она заблуждалась. Всё потому, что она была права.

Полностью.

Я... мы с Кунагисой поставили в приоритет быстроту расследования и закопали в землю наши сомнения. Мы составили решение, которое лично я не одобрял.

Айкава усмехнулась.

— Эта неудовлетворённость, эти сомнения, эти вещи, кажущиеся тебе, болвану, неприемлемыми, — ты определил их?

— Эм, ну...

— Зачем Синье убивать Ибуки? Зачем Синье и Сонояме становиться сообщниками? — Она вызывающе высунула пылающий красный язык. — Это оно, не так ли?

— Да, — неохотно кивнул я. — Но это их проблема, а потому ничья другая, ведь так? Она связана с их мотивами, а это за гранью моего понимания, так что...

— Вы схожи, — сказала Айкава. — Ты так не думал? Синья об этом тебе не говорил? О том, что вы с ним «похожи». Так с чего бы этому парню, так похожему на тебя, убивать Канами Ибуки, человека незаменимого для него, его версию твоей «голубоволосой девушки»?

— Наверно, это всего лишь недоразумение. Если же нет... То, наверно, для Синьи «незаменима» именно Аканэ.

— И тебя это устраивает? — саркастично надавила Айкава. — Быть того не может, верно? Тебя это ни за что не устроит. Я полностью понимаю твои чувства.

— Всё ходите вокруг да около, да? Вы правы, Айкава, я не совсем убеждён в этом, но—

— Я Дзюн. Я говорила тебе, не называй меня по фамилии.

На меня снова свирепо посмотрели. И это было жутко.

— ...Дзюн. Вы правы, я не полностью в этом убеждён, но других возможных вариантов нет, так что я ничего не могу с этим поделать. Когда ты убираешь всё невозможные варианты, остаётся только правда, несмотря на её неправдоподобность.

— Это миф. То есть ты считаешь, что ты всерьёз воспринял тот немыслимый мотив о поедании человеческих мозгов?

Хм. У меня нет слов. Айкава ухмыльнулась, наслаждаясь моим ответом.

— Давай-давай-давай, соберись. Соберись уже. Ты действительно думаешь, что во всём мире найдётся хотя бы один дурак, который будет достаточно тупым, чтобы поверить в то, что можно стать гением, съев мозг гения? Всё не так плохо, если такой человек найдётся. Люди могут верить в то, во что они хотят верить. У каждого есть право быть тупым. В этом нет ничего неправильного. У нас есть свобода мысли и свобода быть тупыми. Но стал бы так думать человек, желающий воспользоваться трупом в качестве ступеньки и совершенно не уважающий людей? Что думаешь, приятель?

А это весьма хороший аргумент.

— И... И что? Я всегда был уверен в своей способности общаться с субъектами, но вы меня заставляете устыдиться.

— Это потому, что ты ниже меня. Я знаю то, чего не знаешь ты. Я не хочу сказать, что ты некомпетентный.

— То есть я компетентный?

— Я сверхкомпетентная мастер на все руки. Будь это не так, я бы не смогла выполнять такую работу, — похвасталась она. Её нарциссизм почти пугал.

— Тогда что вы думаете, Дзюн? Вы ведь говорили, что всё распутали? Прошу, просветите меня.

— Если бы ты сразу задал мне этот вопрос, то мы сразу же перешли бы к делу, — смеясь, упрекнула меня Айкава. — Ну же, приятель. Ты бы заметил нечто неестественное с твоими-то мозгами. Я услышала об этом от Хикари. Ты ведь заметил? Та картина, для которой ты позировал. Почему на ней были часы?

...

Я был поражён.

Часы?

Я совершенно забыл об этом.

— Ты ведь не забыл об этом? — угрожающе сказала Айкава. — Прошу, не говори мне, что ты забыл о чём-то настолько важном.

— Конечно, нет. Как бы я забыл? Но я думал, что это просто... ошибка, допущенная во время рисования. Канами полагаюсь в этом на свою память, так что мне показалось, что это всего лишь ошибка памяти.

— Вряд ли. Человек, утверждающий, что её память и восприятие синонимичны, никак не может допустить такую ошибку. Даже если предположить, что это возможно, тебе не

кажется, что причина этого кроется в другом, приятель?

— Хорошо, Ай— Дзюн. Что думаете вы?

— Я не знаю мнений других, но вот к какому выводу пришла я, Дзюн Айкава, сильнейший контрагент человечества: тот портрет нарисован не Канами Ибуки.

— ...

— Верно? Это единственный возможный вариант. Подумай об этом по-другому. Допустим, картину нарисовала Ибуки. Если картину нарисовала она, то было бы странно увидеть на ней часы, так? А ты не носил часы, когда ты сидел перед ней. Так что, возможно, не она нарисовала картину.

— ...Зачем?

— В смысле зачем? Ты ведь не видел, как она рисовала? Конечно, могут быть и художники, которые работают в одиночестве, но я не считаю, что Ибуки была одной из них. Я полагаю, что Ибуки не могла рисовать.

— Не могла? Канами была художницей. Она была известной. Как она не могла рисовать?

— Многие художники пользовались услугами художественных рабов, — сказала Айкава, будто утверждая очевидное. — Тысячи. Тысячи их. Было бы не удивительно, если бы Ибуки использовала их. Нисколько не удивительно.

— То есть, по-твоему, Канами была мошенницей?

— Просто подумай об этом, — настояла Айкава. — Ты вообще рисуешь?

— Рисование — не моя стезя.

— И ты подумал, как дурак, что Канами Ибуки — художница до мозга костей или типа того, не так ли?

— ...

Как у этой женщины получается так точно понимать, о чём думают люди? Она напомнила мне Маки, но я разозлю её, если скажу это, поэтому я промолчал.

— Не сравнивай меня с этой поверхностной особой.

Да хватит.

Айкава нигилистично ухмыльнулась.

— Не молчи, — побуждала меня она, смотря на меня. — Это был простой трюк для чтения мыслей. Всего лишь техника. Кто угодно сможет применить её после непродолжительных тренировок. Но всё же почему ты решил, что Ибуки была художницей?

— Почему? Ну, эм...

Без языка стал я.

— Ты вряд ли видел, как она рисует, да? Она только сказала тебе это, приятель. Ты услышал, что она должна была сказать, а потом, основываясь только на этом, ты предположил, что она была художницей.

— Я видел, как она работает. Она рисовала цветущую вишню.

— Но ты ведь не видел, как она работает над этой картиной? Для человека, который никому не доверяет, ты чересчур наивен. Ты будто никому не веришь, но и не ставишь их слова под сомнения, или просто на неопределённый срок воздерживаешься от каких-либо выводов. Ты просто воспринял поток как Ибуки за факт.

Как?

Она сказала «каки»? Неужто всё, что сказала Канами, было не более чем каками? Как кто-либо может сказать—

— Ох, как кто-либо может сказать, что так оно и есть? — ударила меня Айкава моей же фразой. — Серьёзно? Серьёзно, приятель?

— Если вы хотите что-то сказать мне, то скажите.

— Не так просят об одолжении.

— Прошу, скажите мне.

Айкава улыбнулась. Возможно, она более инфантильная, чем кажется.

— Как с тем платьем. Когда ты позировал ей, ты увидел её в платье, и что ты сказал? Ты сказал: «Вы будете рисовать меня в этом?» Верно?

Я не знал, то кого она услышала об этом — скорее всего, только Маки знала об этом, — но это было верно.

— Настоящий художник никогда не пачкает свою одежду краками, — пробормотала Айкава. Но внезапно... — Как будто такие художники вообще существуют! — прокричала она. — Это невозможно! Даже если бы она не испачкала свою одежду, от неё бы пахло! И дело не в том, возможно это или нет, — люди так не делают! Ты что, не видишь это, ты придурок?

Она не притворялась, она действительно разозлилась. Я съёжился от её серьёзности. Мне казалось, что меня раздавят. Теперь я понял, что имела ввиду Хикари.

«Буйный характер», да?

— В любом случае, когда ты работаешь с красками на холсте, ты хотя бы надеваешь фартук. Даже если ты бездарен в искусстве, это будет для тебя иметь смысл.

— Да. Но если дело в этом, то...

Что это означало? Канами солгала мне? Нет, не только это — она вообще ничего не знала об искусстве?

Такой гений изобразительного искусства, как Канами Ибуки, никак не могла не знать нечто настолько простое. Почему? Потому что это мог осознать любой, кто хоть немного знал...

Что означало...

— Да, она ничего не знала, — сказала Айкава, слегка подтрунивая надо мной. — Канами Ибуки — гениальная художница, которая не могла рисовать. Итак, как ты распутаешь эту загадку?

— Эм, то есть вы утверждаете, что Канами была мошенницей?

— Нет. Подумай. А потом осознай. Ибуки не нарисовала эту картину. Но Ибуки была художницей. Следовательно, согласно закону силлогизма, Ибуки была настоящей. Так что, конечно, она не могла рисовать.

— Настоящей? Но настоящая... Зачем? Простите, я запутался. — Я схватился за голову и стал думать. — Значит... другими словами... подставная Канами была убита, а настоящая — нет?

— Верно. А настоящую Аканэ Сонояму убили. — Айкава снова ударила меня по плечу.

Мой мыслительный процесс на миг заглох.

Но практически сразу меня озарило.

— Что вы сейчас сказали? Аканэ?

— Да, Аканэ Сонояма. Подумай об этом: разве это не проясняет всё? Зачем Синья убил Ибуки? Всё просто: он её не убивал. Зачем Синья стал пособником Соноямы? Легко: он не становился им. Он работал с Ибуки. С его незаменимой Ибуки.

— Канами и Аканэ поменялись местами? Когда? Погодите. Я провёл на одном острове с ними три дня. Может, память у меня не очень, но я точно узнал бы, если бы это произошло.

— Так они поменялись местами до этого, до прибытия на остров. Я не знаю, сколько они там были, но произошло это до этого.

— У одной светлые волосы и голубые глаза. А у другой тёмные волосы и высокий показатель интеллекта. Всё просто. Особенно когда у человека такие примечательные характеристики. Подумай об этом.

— Но тогда та картина—

— Была нарисована Соноямой? Ставлю на то, что в тот день на тебе были часы всякий раз, когда тебя видела Сонояма. Тогда именно она нарисовала тебя. Сонояма... в образе Ибуки.

Аканэ Сонояма... в образе Канами Ибуки. Если так подумать, то где была Аканэ в то утро? Она была в ателье и писала ту картину с цветущей вишней? Рисовала ли меня Аканэ в ту ночь?

— С чего бы ей—

— Чтобы все подумали, что она была Ибуки. Конечно, ты ни за что бы не додумался, что той, кто нарисует ту картину, может быть не Канами Ибуки. Но я отмечу, что ошибка с часами не присуща им.

— Но... но именно Ирия пригласила их. Разве она не заметила бы всё это сразу?

— Тебе откуда знать?

— Она ведь хотя бы видела их фотографии ранее.

— Фотографии? Постой. погоди, парень. Не смей меня, приятель. Ты что, пытаешься меня до смерти рассмешить? Дай мне передохнуть. Ты считаешь, что лица людей в реальности выглядят точно так же, как и на фотографиях? От них разные впечатления складываются, не так ли? Именно поэтому объявления о розыске никогда не работают. Фотографии не двигаются, а реальность — движется. А человеческий глаз смотрит на вещи выборочно. Вот так всё. Так что нет ничего удивительного в том, что твоё сознание, сравнивая эти две вещи, предпочтёт реальность.

Она была права. Сама Канами о чём-то схожем говорила. Внезапно я ощутил то самое невероятное, воистину странное чувство, будто убийцей был я и детектив Айкава была на моём хвосте.

— Зачем... Зачем они это сделали?

— Это был розыгрыш. Они поменялись местами шутки ради. Ирия и Рей ведь тоже поменялись местами? И я уверена, что они сказали тебе, что это был розыгрыш, когда ты спрашивал их об этом. Суть та же. Интересно, кто же заметит это. Заметят ли это так называемые гении? Сможет ли заведующая всем принесса, смеющаяся вызывать к себе гениев, вообще отличить нас?

— ...

— Мне кажется, что как-то так думала Сонояма. То есть, настоящая Сонояма. Синья и Ибуки связались с Соноямой и рассказали ей план. Сонояма согласилась поучаствовать в этом. Она наверняка думала, что это будет весело. Учёные порой такие гедонисты. Особенно те, кто из ER3. Но, думаю, ты это и так знаешь. Ты оказался в самом центре всего этого.

Та информация от Чи.

Канами Ибуки и Аканэ Сонояма встретились в Чикаго... Они были знакомы... Возможность того, что они всё это спланировали, не кажется невозможной. Канами и Аканэ, без конца ссорившиеся между собой. Неужто все эти споры были спланированы заранее, чтобы их перестановка местами не была такой очевидной?

— Но что это значит?

— А вот что: Ибуки и Сонояма поменялись местами. Ибуки стала Соноямой, а Сонояма — Ибуки. Одну из них убили. Осталась Сонояма. Подменённая Сонояма.

— ...

— Кто бы мог подумать, что женщина станет мёртвой, а потом скажет, что убийцей был кто-то другой?

— То есть Канами заняла место Аканэ?

Аканэ вышла из «Семи глупцов» а начали вести затворнический образ жизни, поддерживая свою известность как учёной. Синья предположительно остался с ней.

— И это похоже на правду, поскольку никто не рассказало них полиции, — цинично сказала

Айкава.

— Вы утверждаете, что это мотив? Но зачем им—

— Ха! — Тело Айкава затряслось, пока она смеялась, а затем она взглянула на меня. — Это немыслимый неактуальный вопрос, парень. Ох, что бы ты сказал мне, если бы я спросила тебя, почему ты живёшь?

— ...

— Конечно, человек вроде тебя, должно быть, никогда этого не хотел. Я уверена, что ты никогда не хотел становиться чем-то. Я уверена, что никогда не хотел становиться кем-то. Если нет, то тогда ты никогда не поймёшь чувств Канами Ибуки, сколько бы тебе их не объясняли. Если ты выкуешь себя сам и сформируешь собственный стиль, то ты никогда не поймёшь чувств Канами Ибуки, даже если ты обойдёшь всю вселенную.

Виртуальная машина, осознал я.

Подделка. Которой дурачат программное обеспечение.

— То есть вы понимаете её, Дзюн?

— Нет. Чувства других людей за гранью моего понимания. Но я могу хотя бы представить всё это, поскольку у меня есть рабочий мозг. Да. История с «закрытой комнатой» была детской игрушкой, всего лишь игрой для них. Отвлечением внимания, чтобы люди не узнали их истинной цели. Даже ты отвлёкся на запертые комнаты и обезглавливания так сильно, что ты даже не учёл возможность того, что они ещё в самом начале поменялись местами, ведь так?

Она была права.

Но... но всё это было так внезапно.

— Эм, я просто не могу во всё это поверить.

— Всё равно. Конечно. Всё это так запутанно, что в это не верится. Тебя путает несовместимость моей личности и моего внешнего вида. Нов этом есть смысл. Та женщина сбросила свой образ, известный как «Ибуки», и сумела переродиться как «Сонояма». Она полностью взломала фон Аканэ Соноямы.

— Но её разве не найдут?

— Чёрта с два. Она наверняка к очень, очень долго готовилась. И тебе не кажется, что вся эта безумная идея заменить Сонояму, стать ей, родилась из того факта, что они внешне были похожи?

— Стать ей... То есть вы утверждаете, что именно поэтому она убила её? Наверно, кому-то придётся убить настоящего человека, чтобы занять его место, но всё же...

Конечно, убийство — самый быстрый способ избавиться от человека. И да, уединённый остров, неподвластный полиции, был идеальным местом для этого.

— В таком случае всё должно было закончиться на смерти Ибуки. Незачем было становиться жертвой и притворяться мёртвой.

— Попридержи коней. Боже, от тебя никакой пользы. Если бы она сделала это, то вопрос, почему убили только Ибуки, встал бы сразу же. Именно поэтому она должна была подстроить серийное убийство. Чтобы за убийством скрыть свои истинные намерения. Ей пришлось притворяться убийцей, преследующей всех. Всё, что касается съедения мозгов каждого, наверняка добавили потом. Не удивлюсь, если после того как она вас подслушала. Но даже если ей пришлось кого-то убить, то она вряд ли смогла бы убить невиновного, поэтому она притворилась жертвой. Всё очевидно. Её расчёт был таким ясным.

— Разве убийца стал бы стесняться?

— Не все убийцы кровожадные маньяки. Как и не все волки одиночки. Логично, что при достижении своих целей ты будешь стараться избегать всяких опасностей. Чем больше убийств ты совершишь, тем больше улик оставишь. Я права?

Синья сказал мне, что они собирались убить всех, и я поверил ему. После того, как они убили двух человек, а также попытались убить меня с Яёи, я ни за что не подумал бы о том, что они знают, что такое умеренность.

Однако...

— Но она попталась убить Яёи.

— Она не убила её, — отклонила моё возражение Айкава. — Ты сделал предположение. Ты предположил, что «Аканэ Сонояма» вновь совершит убийство после применения трупа для того, чтобы скрыться. Именно поэтому ты придумал эту ловушку, используя Сасироно как наживку. Если бы ты посчитал, что всё кончено, то ты бы ту ловушку не придумал. Но нет. Ты был предвзят.

— ...

— Подумай. А затем осознай, что ты плясал под дудку Ибуки и Синьи. С чего бы Синье показывать тебе спальный мешок? Зачем Ибуки разбивать компьютеры в то утро, когда у всех было чистое алиби?

— Даже так?

Практически всё было продумано, даже это? Они предсказали — нет, объявили — все наши действия? Столкновение в комнате Яёи, муки Кунагисы, всё это было у них как на ладони? Мы все были не более чем пешками, подчинёнными такой хитрой стратегией, что предвидеть следующий ход было невозможно? Мы считали себя такими умными, но на деле нами просто манипулировали.

У меня не было оснований утверждать, что это было невысказано. Но разве это не чересчур возмутительно?

Но.

Это расплывчатое чувство дискомфорта, которое я ощутил, уже улетучилось.

Айкава протянула ко мне правую руку и начала водить по моим губам своими длинными тонкими белыми кончиками пальцев.

Я не испытывал ничего подобного, но мне казалось, будто меня насилуют.

— Ты смог вписаться во всё это, иными словами. Как влитой, без огромного несоответствия, как твои часы в картину Канами Ибуки. Прошу простить меня, но вот это уже искусство. Ха-ха. Возможно, они изначально намеревались воспользоваться мной, «человеком, который придет через неделю». Но личность этого человека была неважна. Им нужен был тот, кто раскроет загадку закрытых комнат. Было важно только то, что кто-то должен был раскрыть эту загадку и объявить, что «Аканэ Сонояма» не была мертва, а затем назвать её убийцей, чтобы она смогла ожить.

И тогда она обрела бы замечательную новую личность. И смогла бы воспользоваться известностью учёной-унитаристки—

— Но... — отметил я, — даже если бы она смогла подменить себя и стать кем-то другим, то ей пришлось бы учесть способности. «Аканэ» всё ещё живёт как выдающаяся учёная, несмотря на свой выход из «Семи глупцов». Если они обе действительно поменялись местами—

— Если? — смеясь, сказала Айкава. — Ты всё ещё используешь эти определения? А ты явно не хочешь сдаваться, да?

— Исходя из вашей детективной работы, Аканэ — на самом деле Канами. Но из расследования Кунагисы следует, что она всё ещё действующая учёная.

— А почему бы и нет? Она умеет рисовать, она образованная, она явно способна пойти на убийство, и она даже может примерять личины других людей. Разве это не делает её гением?

— Гением...

Почему Ибуки пригласили туда? Не потому ли, что она обладала необыкновенными способностями? Из всех неортодоксальных людей она выделялась сильнее всего. Абсолютная из всех абсолютов. За пределами нашей реальности. Да, это было совершенно...

— Напомни мне, приятель, какое определение ты дал слову «гений»? Это тот, кто «не от мира сего»? Ирия рассказывала мне. Но ты неправ. В общих чертах, это вектор... Это тот, кто направляет время всей своей жизни в одно направление. Человек может делать всё, что захочет. Но если он сосредоточится на чём-то одном, то выхлоп от этого будет запредельным. Настолько, что они, как ты выразился, будут казаться «далёкими».

Определённая функция. Направление вектора. Ограничительное смещение.

Если направить стрелу в одно место, вместо того чтобы распылить её на все направления...

Сила сосредоточения. Синдром саванта. Неистощимое желание.

— ...

Айкава похлопала меня по плечу.

— Хорошо потрудились, приятель. Но ты всё ещё любитель. Если выражаться терминами бейсбола, есть мистер Питчер и клинап хиттер, а ты младший член лиги. И когда тебе казалось, что твой соперник тоже младший член лиги, оказалось, что он профи. Знаешь, как в мечтах ребёнка? Задолго до этого? — сказала Айкава, фамильярно положив руку на мои плечи. — Мальчик мой, для тебя было немного незрело попытаться закончить эту историю до прибытия великого детектива. Ты ещё совсем зелёный.

— Но... Пойдите. Канами была в инвалидной коляске.

— Любой пожилой человек с работающими ногами может сидеть в инвалидной коляске, — цинично отметила Айкава. — Но это как бы всё. Согласно Канами Ибуки, ноги — всего лишь украшение. Да, они помогли отметить тебя, но не более.

— Возможно, это касается Аканэ. Ей требовалось лишь сидеть в коляске. Но у Канами с рождения были проблемы с ногами. Она не могла прыгать там, как—

— Канами Ибуки, хотевшая стать Аканэ Соноямой. Канами Ибуки, хотевшая присвоить себе личность другого человека. Я не удивилась бы, если бы кто-то занял место Канами Ибуки до этого.

И как долго Синья служил Ибуки? Он говорил, что довольно долго.

Но с какого именно момента?

А сейчас он остался с Аканэ. Но до какого момента?

Виртуальная машина.

Симуляция присутствия множества машин... Отсутствие какого-либо стиля.

Отбрасывание всех стилей.

— Это вообще...

А что насчёт Маки?

Трансцендентная сущность по имени Маки Химена «знала» даже этот факт? Неужели она просто наблюдала за или отмахивалась от ситуации с улыбкой на лице, зная всё?

Что было реально? Что было ложью? Кто был реален? Кто был ложью?

— Ты не можешь ответить на вопросы. Хе-хе, — засмеялась Айкава. Наконец, она припарковала машину у обочины.

— Прах к праху... Вот что я скажу. И ты постарался на славу, парень. Действительно постарался. Как тебе этот комплимент? Но тебе нужно приложить чуть больше усилий. Если тебя что-то не устраивает, то не притворяйся, что это не так. Преврати нестабильное в стабильное. Приведи иррациональное к рациональному. Не списывай свои мысли со счетов под видом бесполезных сентиментальностей. Лады?

— Хорошо.

— Славно, — сказала Айкава, высовывая свой пылающий язык. — Ну, я закончила доставать тебя. Из-за ребят вроде тебя и стоит жить. Я действительно так считаю. Но тебе не помешало немного меньше отлынивать. Человечество — весьма отвязный вид, так что иди и сделай это, чёрт возьми.

Затем, наклонив голову, она добавила:

— На сегодня это всё. Ещё увидимся. Ну же, выходи.

Ей хватило смелости закинуть меня в машину, а потом выпроводить меня. Но я не мог собраться с силами, чтобы поспорить с ней, поэтому я открыл дверь и вышел.

Оглядевшись, чтобы понять, где я, я заметил, что мы были прямо перед многоэтажкой Кунагисы.

Если и была хотя бы одна улица в мире, не принадлежащая Киото, то ей была Сиросаки, приятная спальная улица. Здесь даже ярко-красная машина Айкава смотрелась к месту.

— Ясно... — кивнул я, смотря на крышу здания. — Это рай.

— Или ад. Ха-ха. Ты ведь сюда собирался идти?

— Как вы узнали?

Айкава указала на сумку в моих руках из книжного. Точно, я собирался доставить Кунагисе её содержимое. Но эта леди определила это, лишь бросив взгляд на неё? Она словно... кто-то из широко известного старого романа...

Словно великий детектив.

— Ха, — засмеялась Айкава. — Что ж, мы ещё встретимся, если наши судьбы связаны. Учитывая, что мы с тобой чудачки, я в этом не сомневаюсь. — Она улыбнулась мне без капли цинизма и вновь похлопала меня по голове и плечу. Затем, указав на крышу многоэтажки, она сказала: — И передай Кунагисе привет от меня.

Теперь у меня был вопрос. Если и было кого хвалить в этом деле, то Кунагиса заслужила хотя бы половину от всех похвал. Так почему Айкава пришла, чтобы увидеться лишь со мной? Она собиралась потом встретиться с Кунагисой?

— А вы не намерены встретиться с Кунагисой? — спросил я, думая об этом. — Вы проделали весь этот путь. Вы могли бы тоже к ней зайти.

— Нет, всё нормально. Я вчера с ней виделась.

— ...

В этом раз на заднем плане оказался я.

Сила покинула мои плечи. Я вздохнул.

— Дзюн. — Мой последний вопрос. — Так... так почему вы живёте?

— Как будто ты должен об этом спрашивать. Я такая же, как и ты, Ии-тан.

Придав моему прозвищу оттенок детскости, она нажала на газ, и в следующее мгновение красный контрагент умчалась прочь. Я какое-то простоял неподвижно, не в силах подумать. Мне не хотелось думать.

Боже...

— Меня будто ограбили...

Это сравнение было весьма точным. Я ощущал пустоту, будто мой рюкзак стащили с моей

спины.

Что же с этой леди? Почему она начала наш разговор с выбивания всего дерьма из меня? Проверила ли она то, что услышала обо мне от Теруко? Или это была расплата?

Но она ведь приехала, чтобы увидеть меня, — было ли это расплатой? За то, что я украл её ход? Может, и да, а может, это была её прихоть или, как утверждала она, какая-то награда.

Но это вряд ли имело какое-либо значение. Она не казалась доброжелательной, но даже если я ошибался на этот счёт, эта ошибка вряд ли была непоправимой.

В самом деле...

Радя всего святого, что это?

Я окружён этим здесь. Без шуток.

— Вот ведь... Куча бессмыслицы.

Например, Ирия Акагами. Она пригласила к себе гениев, а потом обманула и разыграла их, сделала всё, что ей хотелось, только ради собственного удовольствия, ради своего маленького мира, принадлежащего только ей. Далее.

Например, сёстры Тига. Каждая из них немного разная, вроде бы одинаковые, но такие разные. Они словно треугольник Серпинского, подобны друг другу совершенно, что во внешности, что в униформе. Выглядят одинаково, но внутри у каждой из них была безграничная бездна, которую никто не сможет разглядеть.

Например, Маки Химена.

Та, жизнь которой закончится через два года и котоаря знает об этом. Она, зная всё, только ухмылялась и зевала, как кошка, уходя спать.

Например, Дзюн Айкава.

Огромный сгусток красного под личиной детектива, называющая себя лучшим контрагентом человечества. Она объявилась на острове и раскрыла уже раскрытое дело, сомнений в котором уже не осталось и ничего не осталось без обследования, без всякой причины, а потом растворилась в тумане цинизма.

Например, та женщина, имя которой я не знал. Та самая женщина, бывшая никем.

Она... определённо была гением.

— И...

И ещё.

И Кунагиса.

— ...

Для меня ничто не имеет значения.

В мире всё случится так, как должно, а если нет, то это не будет меня касаться, а иначе мне это не будет интересно.

Я никогда не хотел стать чем-то, и мне никогда не казалось, что мне есть чем заняться. Иногда я думаю, нормально ли это, но в итоге и это меня не волнует.

Мне наплевать. Нет, не так.

Наверно, мне начхать. Безразлично и апатично.

Именно поэтому Кунагиса меня так освежает.

— Влага...

Иероглиф из имени «Дзюн» может означать это.

Было ли с Синьей так же? Синья Сакаки, служащий той женщине, как тень. Если да, то мы с ним действительно были одной крови, даже чересчур.

— Хм...

Я вздохнул.

Я не знал, вокруг кого вращаются наши миры, но Земля вращается вокруг Солнца. И вроде бы всё. Скорее всего, большего здесь нет. И так со всеми.

Правда всегда сокрыта от меня. Тем более, я не хочу её.

Возможно, в этом и кроется проблема. Это, наверно, и имела ввиду Айкава под словом «отлынивать».

— Не то чтобы это так важно. Я не живу для того, чтобы сидеть и думать о таких вещах, и я не то чтобы пытаюсь изменить мир или раскрыть его тайны. Я начинаю злиться, когда сталкиваюсь с загадками. Всё будет хорошо, если я и завтра смогу так же жить.

Поговорив с самим собой, я наконец-то пошёл.

Дальнейшие размышления меня напрягали. Я оставлю их людям, желающим заниматься этим. Не хочу упрекать в чём-либо Айкаву, но я не хотел привносить что-либо ценное в этот мир.

Если меня спросят, почему я решил жить, я скажу именно это, наверно. Это единственная причина, которая есть у людей, и так со мной, тобой и остальными.

Но.

Но Кунагиса другая.

Если обличить всё это в слова, то всё было примерно так.

— Ну да ладно.

Увидев дверь квартиры Кунагисы, я подумал о том, что я мог бы просто пойти домой. Я хотел лишь сбросить с себя те высокомерные ожидания контрагента, вот и всё.

Даже если мы и не встретимся сегодня, то мы всегда сможем встретиться завтра. Мы можем встретиться в любое время, когда мы захотим.

И ничего более. Хм, но...

Мои ноги снова встали. И я подумал—

Пять лет назад.

До встречи с Томо Кунагисой у меня не было ничего. Но даже сейчас, после воссоединения и будучи с ней всё время, у меня ничего нет.

Я был пуст. Словно...

Бессмысленная рутинная работа. Только функционирование, только существование.

— Ах... чёрт.

Сардоническая улыбка контрагента всплыла у меня в сознании. Я вспомнил фразу провидицы.

И лгущих сестёр.

И совет той женщины, личность которой осталась неизвестной.

— Я иду, хорошо? Я иду.

Как бы это ни усугубляло моё положение, моя жизнь была чем-то большим, чем просто плавание по течению. Так что позвольте мне управлять собой так, как будет угодно людям, как их это устроит, как они захотят.

Словно куклой.

Словно машиной, которой не хватает сердца.

Я был ужасно нуклюжим даже в этом.

Но.

Беспечно двусмысленная и механическая неясность, посредственная бессобытийность, сопровождаемая почти неестественно пустой уверенностью, подходит к концу, как банальная и пламенная сказка.

А теперь пора к Кунагисе, подумал я.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/2380710>